

ПРОФЕССИЯ ИСТОРИКА В США В ЭПОХУ ТРАМПА

И.А. Цветков

В статье дан обзор ситуации внутри профессиональной корпорации американских историков, возникшей в результате прихода на президентский пост Дональда Трампа. Рассмотрены особенности представлений Трампа об истории и его подходы к использованию исторической памяти как политического инструмента. Проанализированы факторы, способствовавшие возрождению популярности традиционных подходов к осмыслению национального прошлого, отвергнутых ревизионистской историографией периода «культурного поворота». Кризис в методологии исторической науки США рассмотрен в контексте общественно-политической ситуации в стране, а также в связи с проблемами на рынке труда, с которыми сталкиваются молодые американские ученые-историки.

Ключевые слова: историческая наука в США, президентство Трампа, методология истории, историческая память, историческая политика, университеты США

The article gives an overview of the situation inside the professional corporation of American historians that arose as a result of the arrival of Donald Trump to the presidency. Trump's ideas about history and his approaches to the use of historical memory as a political tool are examined. A revival of the popularity of traditional approaches to understanding the national past, rejected by the revisionist historiography of the period of the «cultural turn» is analyzed. The crisis in the methodology of historical science in the United States is reviewed in the context of the socio-political situation in the country, as well as in connection with the problems in the labor market faced by young American historians.

Key words: American historiography, Trump's presidency, historical methodology, historical memory, historical policy, American universities

DOI: 10.32608/1010-5557-2020-2020-295-309

Цветков Иван Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры американских исследований. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

К моменту написания данной статьи Дональд Трамп занимал президентский пост лишь немногим более трех лет. Тем не менее для многих жителей страны и для некоторых больших социальных и профессиональных групп США эти 3 года стали очень важным этапом переоценки своих достижений и переосмысления перспектив развития. Сенсационная победа Трампа на выборах 2016 года над «кандидатом от истеблишмента» Хиллари Клинтон имела большой отрезвляющий эффект, указала многим американцам на шаткость устоявшихся и кажущихся ранее незыблемыми жизненных установок. Сильнее других пострадали представители «идеологических» профессий, в частности, журналисты, социологи и политологи — особенно те из них, кто в предшествующие годы отстаивал тезис о неизбежном торжестве либерально-демократических ценностей в результате идущих в США процессов размывания консервативной социальной базы Республиканской партии. Американские историки также оказались в крайне непростой ситуации. Изменения в политической жизни страны заставили их по-новому взглянуть на методологию собственных научных изысканий — причем взглянуть критически и прийти к некоторым довольно неутешительным выводам. Таким образом, еще не завершённое и по многим параметрам не самое успешное президентство в истории США уже может быть удостоено статуса отдельной эпохи — эпохи Трампа.

Одним из признаков значительного влияния феномена Трампа на ученых-гуманитариев может считаться огромное количество публикаций в профильных журналах, посвященных оценке взглядов и практических шагов этого политика. Пожалуй, никто из президентов США последних десятилетий не привлекал к своей персоне такого внимания профессиональных историков. Основным поводом этого интереса во многих случаях выступало вопиющее невежество Трампа в исторических вопросах, соединенное со склонностью активно использовать исторические аргументы в выступлениях и знаменитых «твитах».

Ключевой лозунг Трампа «Сделаем Америку снова великой» сохранил в себе апелляцию к великому прошлому США, своеобразному «золотому веку» американской истории. Понятно, что на стадии избирательной кампании Трампу и его сторонникам, по большей части, было достаточно эмоционального сопереживания с «Великой старой Америкой», без особенного внимания к деталям. Когда же дело дошло до разработки практических шагов и содержательных политических решений, понадобилась профессиональная историческая оценка того, «какую же Америку мы потеряли». Выяснилось, что представления Д. Трампа об истории весьма туманны и в основном базируются

на мифах, широко циркулирующих в массовом сознании. Это обстоятельство, безусловно, скорее помогало, чем мешало успеху Трампа среди широких масс избирателей, но одновременно совершенно шокировало историков-профессионалов.

Летом 2017 г. в одном из интервью Д. Трамп заявил, что президент Эндрю Джексон (занимавший этот пост в 1829–1837 гг. и умерший в 1845 г.) «был очень сердит из-за Гражданской войны». И что если бы сильный и решительный Джексон правил Америкой подольше, войну удалось бы предотвратить (Гражданская война, как известно, случилась в США в 1861–1865 гг.)¹. Многие историки и просто образованные люди отметили в связи с этим, что президент, похоже, не очень хорошо осведомлен о годах жизни своего политического кумира. Известно, что сразу после инаугурации Трамп велел разместить портрет Э. Джексона в Овальном кабинете Белого дома. Более внимательные наблюдатели указали также, что предложенная Трампом интерпретация событий прошлого свидетельствует о его крайне упрощенном взгляде на движущие силы истории. Продемонстрированная им вера в то, что сложнейший системный кризис мог быть преодолен авторитарной волей сильного президента, давала ключ к пониманию многих политических решений нынешнего хозяина Белого дома. Похоже, что Трамп в 2017 г. примерял на себя именно такую роль – сильного и уверенного в себе лидера, способного одним махом, «по-джексоновски», решать любые проблемы. Его подходы к кризису вокруг Северной Кореи, палестино-израильскому конфликту, проблеме нелегальной иммиграции в США и многим другим политическим вопросам подтверждают этот тезис, а также указывают на справедливость критики со стороны профессиональных историков, утверждающих, что системные проблемы не решаются кавалерийским наскоком. Трамп своими действиями лишь выводил эти проблемы из «замороженного» состояния с непредсказуемыми и далеко не всегда благоприятными для американских интересов последствиями.

В дальнейшем он многократно давал повод усомниться в адекватности его представлений о прошлом Америки. В июне 2018 г. в беседе с премьер-министром Канады Дж. Трюдо Трамп задал своему собеседнику риторический вопрос: «разве не вы, канадцы, сожгли Белый дом?»², подразумевая, что в 1814 г., когда резиденция американского президента действительно была предана огню, США воевали с Канадой. Однако Канада в качестве самостоятельного государства существует

---

¹ Trump Makes Puzzling Claim about Andrew Jackson, Civil War // Chicago Tribune. 2017. May 1 (<https://www.chicagotribune.com/nation-world/ct-trump-andrew-jackson-civil-war-2017-0501-story.html/>).

² Exclusive: Trump Invokes War of 1812 in Testy Call with Trudeau over Tariffs // CNN. 2018. June 6 (<https://edition.cnn.com/2018/06/06/politics/war-of-1812-donald-trump-justin-trudeau-tariff/index.html>).

лишь с 1867 г., а в 1814 г. США воевали с Великобританией. Впрочем, война велась, в числе прочего, и за канадские территории, которые тогда контролировались Лондоном, так что слова Трампа нельзя считать полной бессмыслицей. Скорее, здесь мы имеем дело с хорошей иллюстрацией *качества* исторических познаний американского президента. Видимо, он когда-то что-то слышал о войне 1812–1815 гг. и связь событий тех лет с Канадой случайно всплыла в его памяти в ходе беседы с политическим лидером этой страны.

Примечательно, что не слишком хорошо разбираясь в деталях исторического прошлого, Трамп, судя по всему, исходит из того, что такой взгляд на историю свойственен и абсолютному большинству его избирателей. Ничем другим невозможно объяснить его высказывание о президенте А. Линкольне, сделанное в марте 2017 г. Трамп тогда заявил, что «Линкольн – это великий президент, но мало кто знает, что он был республиканцем»³. Действительно, для многих людей за пределами США такое знание может оказаться новым, но в США, где Республиканскую партию повсеместно называют «партией Линкольна», слова Трампа вызвали лишь всеобщее недоумение.

Трампа часто уличали и в воспроизведении давно и убедительно опровергнутых исторических мифов. В августе 2017 г. в одном из твитов президент написал: «Изучите, что американский генерал Першинг делал с террористами после их поимки! После этого исламский терроризм исчез на 35 лет!»⁴ Речь тут идет о популярной после 11 сентября 2001 г. легенде, согласно которой генерал Першинг в начале XX в. якобы расстреливал исламских повстанцев на Филиппинах пулями, смоченными в свиной крови (по другой версии – закапывал в могилах вместе со свиньями). Трампу эта байка пришла по душе еще в период избирательной кампании 2016 года и он многократно повторял ее перед разными аудиториями. И даже став президентом, он не удостоил вниманием мнение профессиональных историков, специалистов по биографии Першинга, которые давно пришли к выводу, что никаких документов, подтверждающих применение губернатором провинции Моро подобных мер устрашения, не существует.

Если неаккуратное обращение Трампа с историческими фактами в первые месяцы президентства еще можно было как-то оправдать его неопытностью и ошибками референтов, исторические «ляпы», допущенные им в 2019 г., уже неумолимо свидетельствовали о серьезных проблемах в историческом образовании. В мае 2019 г. Трамп вызвался лично

³ President Trump Thinks America Doesn't Know Abraham Lincoln Was a Republican // Time. 2017. March 21 (<https://time.com/4708749/donald-trump-abraham-lincoln-republican/>).

⁴ President Trump Praises Fake Story About Shooting Muslims With Pig's Blood-Soaked Bullets // Time. 2017. August 17 (<https://time.com/4905420/donald-trump-pershing-pigs-blood-muslim-tweet/>).

провести экскурсию по Белому дому для спортсменов бейсбольной команды «Red Sox», завоевавшей очередной трофеей. Добравшись до спальни Линкольна, президент заявил: «Вы, парни, конечно, иногда проигрывали игры, но поверьте, это совсем не то же самое, что проиграть войну»⁵. Журналисты впоследствии допытывались у участников экскурсии, как они поняли слова Трампа — и все спортсмены в один голос подтвердили: да, президент намекал на то, что Линкольн проиграл Гражданскую войну.

Однако самый серьезный исторический конфуз произошел с президентом в июле 2019 г., когда он по случаю национального праздника произносил речь о славных временах борьбы за независимость. Выступая под проливным дождем и читая речь с телесуфлеров, Д. Трамп заявил, что армия генерала Дж. Вашингтона во время Войны за независимость (1775–1783) «взяла под контроль воздушное пространство и захватила аэропорты». Далее президент особо отметил победу этой армии у форта Макгенри⁶. Опубликованные на следующий день объяснения пресс-службы о том, что из-за дождя текст речи было трудно разобрать и президенту пришлось импровизировать, вряд ли добавили очков к репутации Трампа, так как в этом случае высказывания об аэропортах XVIII в. и победе Дж. Вашингтона у форта Макгенри (который известен благодаря событиям войны 1812–1815 гг., когда Вашингтон уже давно лежал в могиле) оказывались целиком на совести оратора, а не его спичрайтеров.

Помимо фактических ошибок и путаницы в оценках исторических событий, Трамп, по мнению американских ученых-гуманитариев, демонстрировал и другие особенности поведения, недопустимые для человека, занимающего столь ответственный пост. Например, по свидетельствам сотрудников Белого дома, Трамп категорически отказывался воспринимать информацию в письменном виде. По его указанию, все материалы для брифингов должны были уместиться на одной странице, в основном состоять из графиков, карт и иллюстраций. Зная о тщеславии президента, авторы обзоров и докладных записок, для того чтобы привлечь внимание Трампа к важным, по их мнению, абзацам, вставляли туда его имя⁷.

---

⁵ Does Donald Trump Really Think Abraham Lincoln Lost the Civil War? White House screws up Plenty While Hosting Boston Red Sox // NJ.com. 2019. May 9 (<https://www.nj.com/sports/2019/05/does-donald-trump-really-think-abraham-lincoln-lost-the-civil-war-what-gaffes-did-white-house-make-while-hosting-boston-red-sox.html>).

⁶ Hutchins A. History Lessons for Donald Trump after His Fourth of July Speech // Maclean's. 2019. July 5 (<https://www.macleans.ca/news/history-lessons-for-donald-trump-after-his-fourth-of-july-speech/>).

⁷ Graham D. The President Who Doesn't Read // The Atlantic. 2018. January 5 (<https://www.theatlantic.com/politics/archive/2018/01/americas-first-post-text-president/549794/>).

В сентябре 2017 г. в Министерстве обороны США под предлогом проведения очередного официального мероприятия с участием президента была организована 90-минутная лекция, в ходе которой Трампа попытались познакомить с некоторыми базовыми фактами истории и современного состояния внешней политики США⁸. Это было явно не лишним, тем более что Трамп иногда и сам, видимо, не вполне отдавая себе отчет в том, что делает, открыто признавался в крайне поверхностном знакомстве с международными проблемами. Так, в апреле 2017 г. в интервью газете «The Wall Street Journal» он рассказал, что китайскому лидеру Си Цзиньпину за 10 минут удалось убедить его в сложности китайско-северокорейских отношений, а до этого американский президент был уверен, что руководство КНДР находится под полным контролем Пекина⁹. Похоже, что обнародование таких эпизодов не казалось Трампу чем-то постыдным — скорее, наоборот, благодаря им он формировал в сознании многих избирателей образ «простого парня» такого же, как они сами.

Стиль, который Трамп привнес в повседневную жизнь Белого дома, часто становился поводом для жалоб и со стороны специалистов, занимающихся бумагооборотом и систематизацией президентских архивов. В частности, их работа превратилась при Трампе в крайне тяжелое и неблагодарное дело из-за привычки президента комкать и рвать документы, представленные на рассмотрение. В мае 2019 г. Общество историков внешней политики США вместе с несколькими другими профессиональными организациями даже подало иск против Белого дома, обвинив администрацию в ненадлежащем обращении с протоколами встреч президента с зарубежными лидерами, и суд в итоге вынес решение в пользу историков¹⁰.

Историческое невежество Трампа вызывало бурю эмоций, от возмущения до иронии, у многих представителей интеллектуального класса США. Однако для американских профессиональных историков более значимым и тревожным в действиях президента было даже не его вольное обращение с фактами и документами, а продвижение им идеологических принципов, вступающих в острое противоречие с базовыми выводами современной исторической науки США. В американской

---

⁸ Trump's Advisers Spent 90 Minutes Schooling the President on Globalism with Maps and Charts // Business Insider. 2017. September 18 (<https://www.businessinsider.com/advisers-schooled-trump-globalism-importance-american-influence-abroad-2017-9/>)

⁹ Graham D. The Education of Donald J. Trump // The Atlantic. 2017. April 13 (<https://www.theatlantic.com/politics/archive/2017/04/the-education-of-donald-j-trump/522900/>).

¹⁰ Denbo S. Why We Need the National Archives More Than Ever // Townhouse Notes. Perspectives on History. АНА. 2019. October 25 (<https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2019/townhouse-notes-why-we-need-the-national-archives-more-than-ever>).

историографии последних десятилетий ведущее место заняли историки, следующие методологии так называемого «культурного поворота» в социогуманитарной сфере. В основе данного подхода лежит отказ от традиционной историографии «больших нарративов», основанной на изучении государств, выдающихся политических лидеров, войн и дипломатии.

Место этих традиционных предметов исследования заняли раса, класс и гендер, а также разнообразные культурные идентичности, обладающие хоть сколько-нибудь заметной исторической субъектностью. Историки эпохи «культурного поворота» активно занимались деконструкцией исторических мифов, к числу которых постепенно были отнесены почти все основополагающие выводы традиционной исторической науки. Например, если в начале историографической моды на деконструкцию речь шла о том, что в истории помимо состоятельных белых мужчин-протестантов действовали еще и представители других рас, имущественных групп и полов, то ко второму десятилетию XXI в. разнообразные «меньшинства» превратились в трудах многих американских историков из «соучастников» в главных персонажей истории США и глобальной истории. Нация, как субъект исторического процесса, также отошла на второй план, уступив место различным локальным идентичностям, находящимся в многообразных и причудливых связях друг с другом, часто в глобальном контексте¹¹.

Популярность постмодернистских теорий в американской историографии можно объяснить и логикой эволюции научной методологии, и социально-политической динамикой в США последних десятилетий. Во второй половине XX в. значительная часть американских профессиональных историков вступила в острое противостояние с государством, особенно на фоне Вьетнамской войны, борьбы за гражданские права и других эпизодов, способствовавших дискредитации институтов власти. Специфика политической системы США обеспечила возможность комфортного существования внутри профессионального сообщества для исследователей, имевших весьма неортодоксальные взгляды. Более того, подобная фрондирующая позиция только способствовала росту их популярности среди университетской молодежи. В американских реалиях постмодернизм в методологии гуманитарных наук часто вел к идейной политической «левизне», и американские университеты постепенно превратились в настоящие оплоты леволиберальной идеологии. В результате американская корпорация профессиональных историков вместо часто свойственной для этой

---

¹¹ Подробнее см.: *Кубышкин А.И., Цветков И.А.* Современное состояние исторической науки в США: о чем спорят американские историки? // Американский ежегодник 2017. М., 2018. С. 214–231.

профессии функции обслуживания власти и консервативной политической ориентации оказалась в эпицентре конструирования альтернативной оппозиционной системы ценностей.

Впрочем, самоизоляция ученых от государства длилась недолго. Постмодернистское переосмысление истории уже в 1990-е гг. было взято на вооружение Демократической партией, а в годы президентства Б. Обамы (2009–2017) и вовсе стало чем-то вроде официальной политической доктрины. Однако пока американские политики перепаривали постмодернистские теории социального развития и пытались привлечь на свою сторону критически настроенных избирателей, ученые-историки США все дальше уходили в методологические дебри и от продвижения альтернативных взглядов на реальность постепенно перешли к следующему логическому этапу: конструированию этой реальности. Прошлое, изображаемое на страницах исторических трудов, становилось все менее узнаваемым и понятным для широких читательских масс. Именно в этот момент на президентских выборах в США победу одержал Дональд Трамп.

Доцент Университета штата Индиана Рэйчел Уилер очень точно отметила, что лишь один его лозунг — «сделаем Америку снова великой» — «будто обнулil десятилетия усилий ревизионистской историографии, обосновавшей тезис о значимости истории небелых, немужчин и нехристиан»¹². Действительно, для президента Трампа и его сторонников возрождение страны означало возвращение к тому моменту в прошлом, когда США осознавали себя государством белых англосаксонских протестантов и опирались на соответствующий исторический нарратив. Идеология трампистов оказалась не только эффективным инструментом политической борьбы, но и ударом по научной методологии, превратившейся за несколько десятилетий в своеобразный мейнстрим американской исторической науки. Таким образом, заявления Трампа о противостоянии истеблишменту и намерении «осушить вашингтонское болото» оказались вызовом не только для политической, но и для академической элиты США.

Американским историкам пришлось признать, что к подобному вызову они оказались очень плохо подготовленными. Та же Рейчел Уилер с горечью констатировала, что «идеологические и религиозные правые силы оказались феноменально успешными в присвоении мифов и символов Америки»¹³, т.е. они просто «подобрали» отвергнутые историками-ревизионистами представления о прошлом, «стряхнули

---

¹² *Wheeler R.* Un/Becoming America // *Perspectives on History*. АНА. 2019. April 2 (<https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/april-2019/un/becoming-america-finding-a-new-vocation-for-historians/>).

¹³ *Ibid.*

с них пыль» и заново пустили в оборот. Выяснилось, что для огромного числа простых американцев эти отвергнутые мифы и символы выглядят гораздо понятнее и убедительнее замысловатых и вроде бы научно обоснованных постмодернистских концепций. Очевидным недостатком последних выступал, в частности, вошедший в моду профессиональный жаргон, превративший труды историков в нечто совершенно эзотерическое и недоступное для восприятия простыми смертными.

Если для точных и естественных наук подобная «заумность» представления выводов выглядит обоснованной и соответствующей сложности описываемых процессов, то в социо-гуманитарном знании (которое, конечно, занято не менее сложными вещами) важна не только терминологическая точность, но и доступность выводов для читателей-непрофессионалов. Американские историки поняли это лишь в тот момент, когда общественное мнение отвернулось от них и обратилось к гораздо более простым, хотя и «карикатурно искаженным» представлениям об историческом прошлом¹⁴. Оказалось, что для исторической науки жизненно важным является не только абстрактное стремление к истине, но и способность научной корпорации отстоять свое понимание предмета исследований перед лицом разного рода социально-политических вызовов.

Примечательно, что значительная часть американских университетских левых историков не восприняла политику Трампа в качестве серьезной угрозы своей профессиональной деятельности. Они оценивали происходящее в стране лишь в качестве очередного подтверждения тезиса об исконной порочности американского государства, которое снова занялось отстаиванием белого мужского супрематизма, на этот раз усилиями президента Трампа. В своих лекциях и книгах эти авторы продолжали избегать упоминания «великой Америки» как отдельного предмета исследования, считая такой подход архаичным и методологически неверным. Эта позиция исходила из убеждения, что государство само по себе, а университетские ученые — сами по себе, и что эти две вселенные уже давно в США не слишком сильно пересекаются. Однако такие попытки отсидеться в «башне из слоновой кости» вызвали и довольно острую критику тех коллег по профессии, которые считали необходимым не просто пережить эпоху Трампа, но и вести активную борьбу за свои научные и идеологические принципы¹⁵.

---

¹⁴ Brands H., Gavin December F.J. The Historical Profession is Committing Slow-Motion Suicide // War on the Rocks. 2018. December 10 (<https://warontherocks.com/2018/12/the-historical-profession-is-committing-slow-motion-suicide>).

¹⁵ Wheeler R. Op. cit.

Для понимания положения исторической профессии в США в последние годы важно учитывать не только общую идейную атмосферу, ситуацию в методологии и представления президента об историческом прошлом, но и обстановку на рынке труда, отношение студентов и аспирантов к истории как предмету специализации. В этой сфере серьезный кризис наметился еще при президенте Б. Обаме, когда в идейно-ценностном плане, казалось бы, ничто не предвещало проблем.

С 2008 по 2017 г. в США произошло резкое сокращение числа студентов, выбирающих историю в качестве основного направления специализации (major). Количество выданных дипломов сократилось за этот период с 34 642 до 24 255, т.е. на 30%. Этот спад можно было бы связать с последствиями экономического кризиса 2008–2009 гг., в результате которого студенты и их родители стали ориентироваться на более перспективные в плане трудоустройства и размера заработной платы специальности, такие как компьютерные технологии, медицина, инженерное дело и т.д. Однако статистические данные свидетельствуют, что даже среди прочих социальных и гуманитарных дисциплин история в этот период лидировала по масштабам падения студенческого интереса. Такой провальный результат уже вряд ли можно объяснить одними лишь экономическими причинами¹⁶.

Интересно, что анализ данных с разбивкой по расовым и этническим категориям студентов показывает наименьший спад интереса к истории у коренных американцев и чернокожих. По-видимому, многие из этих двух категорий бакалавров-историков остановили свой выбор на истории в связи с повышенным вниманием современной историографии к расовым и этническим вопросам.

Вместе с тем подобный феномен не отмечен среди студенток, несмотря на то, что вопросы гендера, феминизма, роли женщин в истории устойчиво лидируют сегодня в США среди прочих тем исторических исследований. Как раз наоборот, у женщин интерес к исторической профессии падал в последнее десятилетие даже быстрее, чем у мужчин. Специалисты объясняют это все возрастающей склонностью студенток выбирать профессии в сфере прикладных социальных наук, вроде социологии или политологии, в то время как гуманитарная историческая специализация выходит из моды и связывается с непопулярным в современную эпоху образом «учительницы английского языка, литературы и истории»¹⁷.

---

¹⁶ *Pettit E.* Why Are Students Ditching the History Major? // *The Chronicle of Higher Education*. 2018. November 26 (<https://www.chronicle.com/article/Why-Are-Students-Ditching-the/245163>).

¹⁷ *Tworek H.* The Real Reason the Humanities Are «in Crisis» // *The Atlantic*. 2013. December 18 (<https://www.theatlantic.com/education/archive/2013/12/the-real-reason-the-humanities-are-in-crisis/282441/>).

Если взять более протяженный период, с начала 1960-х гг., выясняется, что процент студентов-историков в общей студенческой массе сократился за это время с 6% мужчин и 5% женщин до 2% и 1%, соответственно. То есть процессы, о которых идет речь, нельзя привязывать только к кризису 2008 г., президентству Трампа или другим конкретным историческим событиям. Скорее, речь идет о долговременной тенденции в системе американского высшего образования, которое становилось за эти годы все более массовым, разнообразным в плане предлагаемых специализаций и, что немаловажно, гораздо более дорогим. В последние годы дороговизна высшего образования даже привела к общему сокращению численности студентов в американских университетах. Все меньшая и меньшая доля американцев готова инвестировать десятки тысяч долларов в приобретение профессии историка, которая в современных США вовсе не гарантирует счастливого и безбедного существования.

В качестве еще одной причины спада интереса к исторической профессии некоторые авторы называют резкое снижение способности молодого поколения студентов, выросших в эпоху Интернета и «клипового сознания», к восприятию длинных текстов. История как наука немыслима без чтения книг, изучения больших массивов документов и письменных источников. Современных студентов это пугает и подталкивает к выбору других, неисторических специальностей.

О том, как непросто складывается карьера аспирантов, решившихся сегодня в США на написание диссертации в области истории, ярко свидетельствует все та же статистика. Лишь 40% новых обладателей степени Ph.D. по истории получали в 2018–2019 гг. постоянные ставки в университетах – остальным 60% приходилось либо искать работу не по специальности, либо трудиться историками в музеях, архивах и частных корпорациях, меняя при этом профиль и тематику своих занятий. Сокращение числа студентов естественным образом привело и к сокращению количества преподавательских ставок. Никогда за всю историю наблюдений с начала 1970-х гг. разрыв между числом новых Ph.D. и университетских вакансий не был таким удручающим, как в конце второго десятилетия XXI в. (1,2 тыс. Ph.D. на 600 вакансий). Неудивительно, что согласно одному из исследований, 64% студентов-историков выпускного курса Университета Беркли страдали в 2014 г. от клинической депрессии!¹⁸

Вопрос о том, как преодолевать все эти многочисленные трудности, активно обсуждается сегодня внутри профессиональной корпорации американских историков. Хотя проблемы высшего образования,

---

¹⁸ Graduate Student Happiness & Well-Being Report. 2014 (http://ga.berkeley.edu/wp-content/uploads/2015/04/wellbeingreport_2014.pdf).

профессиональной карьеры, методологии и политической идеологии обычно затрагиваются в статьях (в частности, на сайте Американской исторической ассоциации) обособленно друг от друга, очевидно, что мы имеем дело с комплексным феноменом. Историческая наука и корпорация профессиональных историков в США, как и в любой другой стране, выполняют важные социальные функции: сохранение исторической памяти, экспертное обоснование исторической политики, поддержание устойчивости общественных и политических институтов, участие в формировании коллективной системы ценностей и т.п.

Кризис, который, судя по многим объективным признакам, наблюдается внутри американской исторической корпорации, явно мешает успешной реализации всех этих задач. Например, жаркие общественные дискуссии, недавно развернувшиеся в США вокруг сохранения или сноса памятников героям южной Конфедерации, были, в числе прочего, порождены и мощной волной «разоблачений» героев былых времен, их обвинений в расизме и прочих грехах со стороны журналистов, блогеров и общественных деятелей, следовавших моде на исторический ревизионизм. Для массового сознания подобная переоценка событий прошлого с позиций современной морали выглядела совершенно естественной, но профессиональных ученых, понимающих, в чем состоит смысл принципа историзма, такое развитие событий вряд ли могло порадовать. Отстаивание тезиса о том, что национальное прошлое в действительности было не таким, каким его пытается представить правящая элита, не могло долго оставаться фактом историографической дискуссии, особенно в американских реалиях. Борьба за то или иное понимание истории стала одним из факторов мощнейшего социального раскола, который сейчас переживают Соединенные Штаты. Можно утверждать, что провокационные выводы американской исторической науки, активно распространяемые в университетских и даже школьных аудиториях в последние годы, вызвали ответную реакцию правых и консервативных сил, и, в какой-то мере, способствовали избранию Д. Трампа президентом США в 2016 г.

Ставший уже традиционным и привычным для большинства американских историков критический подход ко всему, связанному с государством, не мог не породить и встречной реакции: в государственных структурах США стали все меньше полагаться на экспертное мнение профессиональных историков в ходе принятия политических решений. Последним известным историком, работавшим на высоком посту в президентской администрации США был Р. Пайпс, который в начале 1980-х гг. помогал Р. Рейгану выстраивать его политику в отношении СССР. До Пайпса советниками президентов были А. Шлезингер-мл., Г. Киссинджер и многие другие историки, а президент

Т. Рузвельт (1901–1909) и сам был известен как автор многотомной истории США. Начиная с 1990-х гг., среди сотрудников Белого дома известных историков не было – да и трудно себе представить, что специалист, следующий методологической моде на отрицание субъектности государства, может быть этому государству как-то полезен. Президент же Трамп, как мы видели, «прекрасно» справляется с политическим освоением исторической памяти и без помощи профессионалов. Его избирателей такая версия истории, с армией Дж. Вашингтона, захватывающей аэропорты, совсем не смущает. Главное, что герои американской истории действительно были героями, а что они там захватывали – дело десятое.

В сокращении интереса студентов к исторической профессии так же можно усмотреть не только экономические, но и политико-идеологические причины. С одной стороны, молодые люди видят, что «сильные мира сего» не слишком прислушиваются к мнению историков. С другой – они часто настроены к этой элите весьма критически, и все еще ассоциируют персонажей из школьного учебника истории с действующими политиками, с перенесением негатива от современной политики на историческое прошлое и на изучение истории как таковой.

Третий аспект этой проблемы: активное неприятие студентами традиционной системы преподавания истории в высших учебных заведениях. Здесь показателен один из недавних примеров, когда в Йельском университете (одном из самых консервативных в плане подходов к изучению и преподаванию истории) приняли решение отказаться от чтения большого обзорного курса по истории искусства «От эпохи Возрождения до наших дней». Курс, долгое время бывший одной из визитных карточек факультета истории искусств, стал вызывать много нареканий из-за чрезмерного акцента на западном искусстве и недостаточном внимании к иным культурным традициям. Отвечая на чаяния студентов, вместо отмененного курса в Йеле собираются ввести в учебный план такие дисциплины как «Искусство и политика», «Глобальные ремесла», «Шелковый путь» и «Священные места». В университете надеются, что подобная диверсификация тематики поможет привлечь новых абитуриентов¹⁹. Однако сам факт глобальной перестройки учебного плана Йеля в русле «культурного поворота» в условиях, когда этот «поворот» подвергается все большей критике внутри академического сообщества, свидетельствует о некой беспомощности ученых перед лицом социального запроса. Такое смещение акцентов, когда не наука указывает направление общественного развития, а наоборот, общество ставит ученых в жесткие рамки, определенно не способствует приросту знаний

---

¹⁹ Art History Department to scrap survey course // Yale Daily News. January 24, 2020 (<https://yaledailynews.com/blog/2020/01/24/art-history-department-to-scrap-survey-course/>).

об истории и не побуждает молодых людей посвящать свою жизнь исторической профессии. Американские студенты в массе своей очень прагматичны и не выбирают специальность по критерию сиюминутной политической актуальности.

Подводя итоги, еще раз перечислим основные проблемы, с которыми столкнулась профессиональная корпорация историков США в эпоху Трампа. Страну возглавил президент-традиционалист, пытающийся опираться в своей политике на примеры из «великого прошлого» Америки. Как ни парадоксально, большинство американских историков восприняло это в штыки. Прошлое, каким его представлял Трамп, и прошлое, изображаемое на страницах научных книг и статей, оказались совершенно не похожими друг на друга. Вместе с тем, выяснилось, что у президента и его сторонников, несмотря на «карикатурное искажение» истории, имеется огромный потенциал воздействия на общественное мнение США. Профессиональные историки раз за разом убеждались, что их методологически выверенные выводы просто не доходят до сознания простых американцев, в то время как примитивные лозунги Трампа доходят и превращаются в мощный инструмент политического влияния. Либерально настроенная часть общества восприняла это как вызов, и в стране начали бушевать «войны памяти», в рамках которых профессиональные историки без особого успеха призывали стороны сохранять здравомыслие и следовать принципу историзма²⁰.

Все эти события происходили на фоне затянувшегося кризиса, в котором историческая корпорация США находилась, по крайней мере с 2008–2009 гг. Университеты столкнулись с резким падением студенческого интереса к исторической профессии, что привело к сокращению преподавательских ставок и избытку молодых-специалистов историков на рынке труда. Параллельно в профессиональных кругах развернулась дискуссия о методологической исчерпанности «культурного поворота» и необходимости поиска новых теоретических оснований исторической науки. Оба эти фактора, спад интереса к профессии в обществе и очередной «методологический перевал», значительно ослабили историческую корпорацию США и не позволили ей противостоять вызову «трампизма» должным образом.

Вместе с тем, как любой кризис, ситуация внутри американской исторической корпорации открывает и некоторые перспективы для движения вперед. Для того, чтобы выжить и сохранить профессиональную идентичность, американским историкам придется сдерживать методо-

---

²⁰ AHA Statement on Confederate Monuments // American Historical Association. 2017. August 29 (<https://www.historians.org/news-and-advocacy/aha-advocacy/aha-statement-on-confederate-monuments>).

логический радикализм и больше ориентироваться на социальные запросы. Это, в частности, потребует восстановления прав «нарративной истории». О героях прошлого, даже принадлежащих к «забытым меньшинствам», нужно будет больше рассказывать простым языком, без зубодробительного профессионального жаргона. Участие в «войнах памяти» также может повысить социальный авторитет представителей исторической профессии, но только в случае, если им удастся эти войны остановить или хотя бы существенно снизить накал страстей между противоборствующими лагерями. Преодоление кризиса на рынке труда может произойти благодаря расширению сферы приложения знаний об истории и практических навыков обращения с историческими источниками. Специалисты такого профиля объективно не могут оставаться без работы в современную цифровую эпоху – другой вопрос, смогут ли традиционные университеты сохранить свой статус базовых структур развития американской исторической науки, или она будет постепенно перемещаться в новые институциональные или даже виртуальные локации.

Таким образом, эпоха Трампа в настоящее время уже привела к серьезным подвижкам, но может в итоге оказаться не только поводом для отчаяния, но и важным переломным этапом в развитии исторической науки США. Она создает условия для выхода из методологического тупика во многом исчерпавшего себя «культурного поворота» и позволяет по новому взглянуть на проблему социальных функций исторического знания в современной Америке.